

Список литературы

1. Гончарова В.А. и др. Межкультурное общение: непонимание? Лингводидактические решения / В.А. Гончарова, М.Ф. Овчинникова, И.Н. Столярова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012.
2. Гончарова В.А. Национальные социокультурные стереотипы в обучении иностранным языкам (языковой вуз, английский язык): опыт преодоления / В.А. Гончарова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010.
3. Гончарова В.А. Учебно-методический комплекс учебной дисциплины «Методика преодоления национальных социокультурных стереотипов об английском национальном характере» по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование», профиль «Иностранный язык». Уровень подготовки: бакалавриат. Курс IV, семестр 7, очная форма обучения / авт.-сост.: В.А. Гончарова. — М.: МГПУ, 2013.
4. Goncharova V.A. The Englishman: Sherlock Holmes or Mr Darcy? ...Or what to think of our national cultural stereotypes / В.А. Гончарова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010.

[... лекции по культурологии]...

УДК 008(091)
ББК 71.1

Р.Е. ГЕРГИЛОВ

КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СТЫДА

Статья посвящена причинам возникновения переживания чувства стыда. Они обуславливаются не только индивидуально-психологическими и социальными факторами. Не меньшее значение имеет также обширный спектр культурных факторов: от общих проявлений жизнедеятельности человека, определяемых обычаями, нравами, религией, формами трудовой деятельности и т. д., до его достижений в науке, технике, экономике, искусстве.

Ключевые слова: чувство стыда, культура, человек, межкультурные различия, эпоха модерна, бесстыдство, Рауб М., Элиас Н., Дюрр Г.-П.

Причины возникновения переживания чувства стыда определяются не только индивидуально-психологическими или социальными факторами. Чего обычно стыдится человек, с какой интенсивностью это происходит, зависит и от культурных факторов. К ним относятся общие проявления жизнедеятельности человека, его достижения. Такие, например, как обычаи, нравы, язык, стили одежды, типы жилища, формы трудовой деятельности, воспитание, экономика и государственно-политические учреждения, право и наука, техника, искусство и религия. Каждый из перечисленных факторов по-своему влияет на чувство стыда.

В качестве эксцентричного и духовного существа, то есть, в соответствие со своим способом существования, человек не только социальное, но и культурное существо.

Дистанция, которую он может держать по отношению к самому себе, — это и дистанция по отношению к своей собственной природе. Даже противопоставляя себя ей, он, в то же время, не прекращает, оставаться природным существом. Тем самым, его естественность, его непосредственное единство приобретает элементы дисгармонии. Поэтому жизнь человека и ее стиль не просто ему предзаданы. Более того, человек — суть недостаточное существо. Тем, кем он является, он должен вначале стать; он и его жизнь даны ему как задача. Человек должен вести ее и в процессе этого вновь и вновь ее воссоздавать и обустроить [1, С. 39].

На этом основании жизненная форма человека открыта, неустановлена, «половинчатая» и поэтому требует завершения.

Опору в жизни и уверенность человек получает только лишь с помощью того, что он делает и производит посредством дополнений внеприродного, невзраченного характера, то есть, посредством культурных достижений. С помощью неданных природой вещей (артефактов), возникших в результате деятельности человека и ставших независимыми от него, он вновь обретает равновесие, которое потерял вследствие своей эксцентричности. Созданные человеком вещи образуют «покрывающую природу сферу» [1, S. 43].

В противовесе им индивид обретает стабильность и ориентиры. «Поэтому человек, по своей природе, и в соответствии со своей формой существования искусственен; он суть естественно-искусственное существо» [1, S. 44]. Эксцентричная форма жизни и потребность в завершении (посредством культуры. — Р.Г.) диалектически создают одно и то же образование. Культура выступает для человека «онтической необходимостью» [1, S. 75]. Она становится его «второй природой», состоянием «второй наивности» [1, S. 80]. Искусственность — это средство, с помощью которого человек находится в согласии с самим собой. Без личных достижений человек не способен выжить.

Его эксцентричность и связанная с ней половинчатость, а также потребность в завершенности, становятся непрерывно функционирующим двигателем в порождении внеприродных культурных артефактов. «Реализация» человека исчерпывается, конечно, не в одном деянии (поступке). Более того, он должен вновь и вновь создавать противовесы с тем, чтобы иметь возможность жить в некоем единстве. Поэтому человек каждый раз превосходит однажды созданное. Культура, с одной стороны, есть нечто ставшее, но с другой — развивающееся, становящееся и изменчивое во времени. Культура обладает историей, в рамках которой она, а вместе с ней и человек, подвергаются изменениям. В то же время, история культуры это не только стремительный поток. По критериям сходства культуры различны и имеют собственные пространственно-временные границы. В этом смысле, культуре свойственны фазы, периоды, изломы, сбои и переходы. Ввиду того, что по тем же критериям каждая культура имеет и географические границы, можно говорить об одновременном существовании параллельных культур.

Созидавая себя и мир вокруг себя, человек создает культуру в ее различных гранях и вариациях. Продукты культуры, составляющие объективный мир человека, в результате отчуждения приобретают определенный противовес и посредством обратной связи влияют на человека и на его внутренний мир. Таким образом, культура в целом и отдельные культурные манифестации в рамках истории становятся условиями возникновения у человека чувства стыда. К тому же культурные достижения очень часто влияют на то, какие события, действия или свойства и с какой интенсивностью вызывают чувство стыда. Оценка стыда как желательного или нежелательного феномена, так и связанного с этим способа выставить

стыд напоказ или скрывать его, зависит, среди прочего, от культурных факторов. Поэтому вариативность форм проявления стыда можно объяснить, используя богатый историко-культурный материал.

Теории межкультурных различий чувства стыда

Исследованию культурных влияний на причины возникновения чувства стыда до сих пор уделялось крайне мало внимания. Наиболее известный анализ этого феномена принадлежит Н. Элиасу. Чувство стыда он ставил в зависимость от степени межличностных сплетений. Чем прочнее сплетение, тем чаще и интенсивней стыдится человек. Степень сплетения опять-таки зависит как от типа политической системы, так и от типа и разнообразия форм поселения и экономики. В этом смысле Элиас говорит о том, что с возникновением института государства и сопровождавшей его возрастающей монополизацией власти с XVI века имел место постоянный сдвиг порога стыда. Большие феодальные поместья позднего Средневековья притягивают к себе все больше и больше людей; усиливается разделение труда, делавшее их все более зависимыми друг от друга. И сами эти поместья вступают в более тесные связи друг с другом, ведут торговлю и находятся тем самым во взаимозависимости. В это время возникает круговорот функционально разделенных цепочек действий. В то же время с увеличением новых сообществ растет необходимость во взаимном надзоре, так как общество в целом очень трудно контролируемо. Кроме того, возросшая плотность межличностных связей вынуждает приспособляться к иному виду предупредительности и подавления аффектов.

Бывшие ранее открытыми конфликты и противоречия все более превращаются во внутренние и свое выражение находят в чувстве стыда. С прогрессирующим в ходе истории созданием государств и связанными с этим усиливающимися сплетениями индивидов сдвигались и пороги стыда [2].

По мнению Г.-П. Дюрра, оппонента Элиаса, члены традиционных, как правило малых обозримых сообществ, очень тесно связаны с представителями своих групп. Общение друг с другом носит личный характер, а автономия отдельного индивида сравнительно ограничена. Поэтому, социальный контроль в этих сообществах относительно высок: «Деревенский глаз — это более совершенный инструмент надзора, нежели “тысяча глаз” большого анонимного общества» [3, S. 35]. В соответствии с этим, неподобающее поведение подвергается пристальному наблюдению близкого окружения и тем самым становится причиной стыда. Следовательно, по мнению Дюрра, в традиционных сообществах стыд является сравнительно чаще проявляющимся феноменом. Чем длиннее в ходе истории становятся цепочки взаимозависимостей, тем более анонимным и чужим становится другой, тем реже встречает его индивид, но тем слабее и социальный надзор. При таком положении дел неподобающее поведение

касается другого намного меньше и связано поэтому со значительно меньшим стыдом.

Возрастающая социальная дистанция вследствие удлиняющихся цепей сплетения ведет к постепенному, но неизбежному ослаблению чувства стыда. Здесь, в противоположность Элиасу, Дюрр аргументирует: «Все более удлиняющиеся цепочки взаимозависимостей между индивидами, не знакомыми друг с другом или знакомыми поверхностно, не несущими никакой ответственности друг перед другом, в психологическом смысле являют собой не сплетение индивидов, а их расплетение» [4, S. 15]. Однако он согласен с Элиасом в том, что увеличение социальной дистанции ведет к снижению порога чувства стыда. Поэтому, чем меньше сообщества по величине, тем чаще, а чем крупнее — тем реже проявляется стыд его членов. По Дюрру, в рамках европейской культуры в средневековых городах произошло значительное изменение. Эти города были местом, в котором, с одной стороны, разрушались родственные связи, но с другой — разделение труда и растущая мобильность связывали друг с другом все большее число индивидов; межличностные связи становились более анонимными, поведение имело меньше прямых последствий, а сами его типы принимали более свободные черты.

Действительно, для этого исторического отрезка времени Дюрр может привести доказательства сравнительно высокого уровня бесстыдства и безнравственности. Но, в отличие от Элиаса, это характеризуется им не как некий архаичный феномен, а собственно как временный результат социального изменения и некая тенденция, имеющая свое продолжение вплоть до наших дней.

И Элиас, и Дюрр свою аналитику стремятся подтвердить на примере различных вариантов телесного стыда с опорой на массив историко-культурного материала, причем Дюрр приводит не только обширный, но и более убедительный материал. К тому же, его наблюдения согласовываются с современными тенденциями общественного развития, в соответствии с которыми «классические» сферы стыда, касающиеся тела человека, теряют свое былое значение [5].

Насколько возможен перенос результатов таких исследований на иные разновидности стыда, остается открытым вопросом. Возможно, они находятся в связи с совершенно иными факторами культурного влияния. Но трудность такого переноса характеризует общую проблематику анализа культурных влияний на ощущения стыда. Как представляется, эта трудность является основной причиной неразработанности этого научного направления.

Действительно, межкультурные различия в поведении, обусловленном чувством стыда, можно рассматривать и как качественные различия. С помощью такого подхода можно пренебречь спецификой лишь одной разновидности стыда и рассматривать всю гамму ощущений стыда в целом. На этом основании межкультурные различия можно описывать как сдвиги отдельных форм и разновидностей этого чувства. Таким образом, культуры различаются

не посредством наличия или отсутствия — или большей или меньшей степени проявления чувства стыда; они отличаются тем, какие формы и разновидности стыда в той или иной культуре являются доминирующими.

Такого подхода в описании межкультурных различий придерживается Ж.-К. Болонь. По его мнению, стыд — это универсальный феномен, формы проявления которого, при сравнении культур все же разнятся. При этом культуры различаются по тому, какие формы стыда являются для них характерными. В историческом процессе такие отличия проявляются как следующие друг за другом доминанты различных форм стыда. При этом соответственно доминантные формы стыда не исчезают вовсе, а переходят, так сказать, на второй план, то есть утрачивают свое первостепенное значение. «Каждый индивид, в рамках той же культуры, несет в себе всю систему ценностей, но, в соответствии со своим характером, может вычеркнуть тот или иной ценностный аспект. Каждая цивилизация опять-таки производит синтез этих форм проявления чувства стыда, причем она делает акцент на одной части поля, оставляя без внимания другие» [6, S. 369]. Историческое чередование этих форм стыда происходит не линейно, а циклично, поскольку та или иная форма стыда существует как до, так и после периода своего доминирования, то есть она может проявляться вновь и вновь. Это выражается в том, что в определенном месте, например в храме, запрещено то, что в других местах разрешено.

Это же чувство стыда посредством религии иудаизма и христианства переходит в религиозное чувство: «Человек наг, Бог в одеждах» [6, S. 379]. Религиозное чувство стыда выражается, например, в посещении в подобающем одеянии того или иного публичного учреждения. В эпоху Ренессанса доминирует условное чувство стыда. «Оно больше не опирается на обычную наготу и сексуальность как таковые, а требует их преобразования посредством художественного преображения» [6, S. 384]. В XVII веке господствует социальное чувство стыда, чувство, которое четко определено в рамках общественной иерархии. XVIII век придерживается мифа о райской беззаботности в сфере стыда. В XIX веке возникает индивидуальное, то есть интериоризованное чувство стыда. XX век, считает Болонь, определяется общей тенденцией бесстыдства.

К сожалению, у Болонья отсутствует не только систематический анализ культурных факторов влияния, с которыми связано варьирующее доминирование различных форм стыда. Проблематичным выглядит и исследовательский выбор форм стыда. Неудовлетворительным остается не только содержательная определенность этих форм; неясным представляется и выбор критерия их различия. Более того, исторический материал, привлекаемый французским культурологом, почти не применяется им для подтверждения своего тезиса об изменяющихся доминантах различных форм стыда. Кроме того, Болонь использует этот исторический материал — независимо от упомянутого тезиса — для изложения истории эволюции стыда в стиле Н. Элиаса. По его мнению, телесный стыд

возникает в стенах средневековых монастырей; в XVII и XVIII веках его значение усиливается, в XX — в отличие от элиасовской трактовки — вновь ослабевает.

Тезис о том, что межкультурные различия чувства стыда основаны на сдвигах форм этого феномена, присутствует лишь лапидарно в работе «*Scham — ein menschliches Gefühl...*». В зависимости от изменения социокультурных ценностей изменяются разновидности форм его выражения. Место эмоционально ослабевших форм стыда тут же занимают новые.

Например, в исторически более ранних культурах телесный стыд выражался в основном как стыд наготы, в то время как в современной культуре недостаточный уход за телом и (мнимое) несоответствие идеалу красоты может стать поводом для стыда [7, S. 36].

В рамках таких трактовок стыд проявляется не столько особо типичным феноменом для одних культур, сколько нетипичным (нерелевантным) для других. Более того, в рамках истории культуры доминируют, соответственно, одни формы стыда, без полного исчезновения других. Формы стыда, имевшие в более ранних культурных эпохах мало значения или совершенно новые формы, существуют наряду с доминантными или со временем занимают их место. Можно все еще говорить о количественных различиях отдельных форм стыда, как это делает Г.-П. Дюрр на примере демонстрации ослабления стыда наготы со средних веков до эпохи модерна. К вопросу о количественных различиях телесного стыда в частности или стыда в целом в рамках этого подхода трудно что-либо добавить.

Поводы стыда в культурном сравнении

Описанные наблюдения причин стыда в межкультурном сравнении создают видимость того, будто определенные причины стыда в одних культурах совершенно неизвестны, в то время как в других они вызывают сильный стыд. Многие причины стыда и поводы для его проявления как таковые известны во всех культурах или, по крайней мере, вполне представимы, хотя и выражены они с разной интенсивностью.

Если в качестве сравнительного масштаба взять близкую нам европейскую культуру, то, несмотря на ее богатство, некоторые причины, вызывающие чувство стыда в иных культурах, ее представителям покажутся совершенно неизвестными или по меньшей мере странными.

Немецкий антрополог А. Петерсен так описывает поведение жительниц анатолийской деревни: «Женщины стыдятся есть и пить в присутствии мужчин, не являющихся их родственниками. Однако в этой деревне не считается странным, если к столу, за которым находятся один или два посторонних человека, их приглашают собственные мужья. Чаще всего, они отклоняют такие приглашения под каким-либо предлогом. Если же избежать застолья в присутствии посторонних мужчин нет никакой возможности, они, закрывая краем платка свои лица от взглядов этих мужчин, садятся за стол» [8, S. 15]. Стыд

принимать пищу в собственном доме (в присутствии посторонних мужчин) женщине, выросшей в европейской культуре, кажется совершенно непонятным и чуждым. Также незнакомы среднестатистическому европейцу и некоторые причины стыда жителей корейской деревни. «Что касается межличностных отношений, — пишет Зук-Нае Ли, конфуцианство содержит пять основных правил: честность между правителем и подданными; любовь родителей и детей; отличие мужа от жены внутри семьи; доверительные отношения между друзьями; порядок в отношениях старших и младших. Эти пять добродетелей превратились в критерий оценки поведения каждого человека. Поэтому несоблюдение этих правил для корейца является постыдным» [9, S. 45].

Однако в целом межкультурные различия относительно причин стыда и поводов выглядят не столько как различия в наличии или отсутствии стыда, сколько в разнице его интенсивности. Если, например, ознакомиться с текстом более чем двухтысячелетней давности, принадлежащим совершенно иной культуре и содержащим перечень поводов для переживания стыда, многие из них покажутся нам знакомыми. Автор этого текста Аристотель определяет стыд, в первую очередь, как «боль и беспокойство» [10, с. 145].

Прежде всего, проявления стыда, связанные с телом, в межкультурном сравнении различаются лишь своей интенсивностью и выступают поэтому, как некая универсалия. То, что такие универсальные причины стыда вообще могут существовать, объясняется почти идентичным строением тела каждого человека и тем, что каждый из нас, в силу своего способа существования в принципиально схожем виде соотносится со своим телом. Вместе со своим телом, в схожем виде мы можем переживать наши внутренние противоречия и кризисы идентичности.

В этом смысле, Дюрр обнаруживает универсальность разновидностей телесного стыда и выявляет количественные различия в ходе межкультурного сравнения. Так, например, генитальный стыд у представителей обоих полов — это явление, известное каждой культуре. Однако выражается он по-разному [11]. В то время как в большинстве культур гениталии постоянно прикрыты или, как минимум, существуют запреты на их разглядывание, в современной европейской культуре налицо послабления в этой области. Существование нудистских пляжей и совместных бань тому пример. Однако открытость гениталий и в эпоху модерна в большинстве случаев сопровождается чувством стыда. Также обстоит дело и с видимостью женской груди, связанной во всех культурах с чувством стыда, хотя и здесь налицо различные уровни порога стыда. Некоторые физиологические функции тела — менструация, беременность, роды или кормление грудью — по сути своей универсальные причины стыда. Однако если в некоторых культурах причиной стыда может быть беременность, так как она указывает на предшествующий этому коитус, то у современных европейских женщин это постыдно лишь по эстетическим соображениям. Да и стыд,

связанный с кормлением грудью, тоже изменился. Если в более ранних культурах этот процесс вызывал сильное чувство стыда сам по себе, то в эпоху модерна лишь публичное совершение этого акта считается постыдным. Тот факт, что большинство представительниц европейской культуры в момент кормления грудью все же уединяются, говорит об изначальной связи этой процедуры со стыдом. Дюрр пишет о женщинах эпохи Нового времени: «Они считали это “скотским” или просто очень “телесным” и сугубо интимным». Так, например, английская королева Виктория расценивала не только кормление грудью, но и роды не иначе как «скотство» [4, S. 440]. В рамках современной европейской и североамериканской культур также существуют различия в восприятии процедуры кормления грудью. Так у американок эта процедура вызывает большее чувство стыда, чем у европейек. Телесные выделения — с их количественными различиями — также являются универсальными причинами стыда, равно как и факт наблюдения за такими процессами.

Стыд в эпоху модерна

Исследования феномена стыда в эпоху модерна дают самые разные, а порой противоречивые, результаты. В целом эти результаты находятся между двумя экстремумами. С одной стороны, существует позиция, в соответствии с которой стыд в эпоху модерна достиг высшей точки своей интенсивности и частоты проявления. Безусловно, Н. Элиас — самый известный представитель этой позиции. Правда, он наблюдает «легкий отток» стыда в XX веке, который, по его мнению, не прерывает ход самого цивилизационного процесса. Здесь речь идет лишь о слабых, сопровождающих этот процесс «колебаниях» [2, с. 190].

По мнению других авторов, что касается чувства стыда, модерн достиг низшей точки. Так, Р. Бенедикт считает, что в современных сообществах стыд превратился в нерелевантный феномен, а его место занял феномен вины [12, с. 45]. Еще жестче формулируется тезис и вовсе характеризующий модерн в целом как эпоху бесстыдства. На такой позиции стоит психоаналитик Г. Ловенфельд, рассматривающий «возрастающее бесстыдство» как характерную черту модерна [13, S. 71].

Последние несколько десятилетий со стороны консервативной критики культуры в адрес модерна слышатся упреки в бесстыдстве. Даже Ж.-К. Болонь, концентрирующийся на изучении телесного стыда, рассматривает XX век как исключительно отмеченный бесстыдством: «Фронт эмоций, связанных со стыдом, прорван со всех сторон». Тем самым, модерн представляет резкую прерывность развития по сравнению с более ранними культурными эпохами, в которых телесный стыд возрастал постепенно. Тем не менее, в отличие от других авторов, Болонь верит в новый цикл, в котором стыд снова приобретет большое значение. Первые проявления такой тенденции он видит в начале 1980-х годов [6, S. 414].

Правда, большинство авторов избегает таких экстремальных позиций и ищут истину где-то посередине. Так, например, Дюрр констатирует не исчезновение, а ослабление телесного стыда в эпоху модерна. В процессе социокультурного развития, имевшего место с позднего средневековья до модерна, был даже временно достигнут достаточно высокий порог бесстыдства. Дюрр говорит о «недавнем понижении стандарта стыда и конфуза». Современное ослабление значения стыда не сводимо лишь к сравнительно большей дистанции между индивидами и вытекающего из этого ослабления прежнего социального контроля, а учитывает также гедонизм современного общества потребления и либерализацию ценностей прежде всего в сексуальной сфере.

Эти факторы ведут, с одной стороны, к тому, что стыд как средство, ограничивающее сексуальное возбуждение, теряет свои функции; с другой — к тому, что индивид под влиянием либеральных воспитательных ожиданий больше не осмеливается полагаться на собственное чувство стыда [4, S. 551]. Однако, по Дюрру, ослабление телесного стыда вовсе не означает реализацию утопии совершенно свободного от стыда общества; чувство стыда присуще и эпохе модерна.

Большинство авторов исходит из того, что хотя некоторые линии культурного развития в рамках современных западных сообществ и говорят о его «бесстыдном характере», но в то же время приводят аргументы против этого тезиса. Так Л. Вурмзер описывает модерн в первую очередь как «культуру бесстыдства», покоящуюся на недостатке норм, цинизме и гедонизме. «Повсюду без помех напоказ выставляются чувства и тело, выбалтываются секреты и тайны, легкомысленно, бестактно и с нездоровым любопытством внедряются в некоторые укромные уголки частной жизни» [14, S. 333]. Тем не менее, такой открытости подвергаются не все сферы жизни человека. «Трудно стало выражать нежные чувства или чувства уважения и почтения, идеализации и почитания» [14, S. 398]. Как представляется, здесь деформирована содержательная сторона стыда.

Подобным образом выглядит и констатация авторов сборника, посвященного проблемам стыда: «В качестве признака современных плюралистических обществ выкристаллизовывается тенденция к “бесстыдству”, связанная с уничтожением и искажением прежних традиционно связующих ценностных ориентаций» [7, S. 7]. По их мнению, об этом свидетельствует восприятие «публичной наготы» как повседневного феномена и открытость духовно-душевной сферы, которая «очевидно не признает никаких границ стыда». То, от чего раньше «умерли бы со стыда», публично обсуждается на телевизионных токшоу [7, S. 29]. «Много из того, что раньше казалось отвратительным, сегодня, пусть даже не всегда, принимают и, пусть даже и с ухмылкой или плохо скрываемым любопытством, терпят. Ослабевает давление на индивида для того, чтобы он не стыдился своих действий, желаний и фантазий» [7, S. 29].

В качестве причины такого развития М. Рауб приводит резкое изменение ценностей и их возрастающий релятивизм: связь многочисленных традиционных норм и ценностей ослабевает, им на смену приходят индивидуальные ориентации и самые разнообразные типы поведения и жизненных практик. Нарушения норм, вызывавшие чувство стыда, перестают быть таковыми или же намного реже вызывают это чувство. Обусловлено это не в последнюю очередь тем, что в обществе отсутствует единство взглядов на значимость тех или иных норм. Усиление значения ценностей, связанных с так называемой «самореализацией» за счет общественных ценностей, ведет к понижению порога стыда. Однако вывод Рауба ограничивает тезис о бесстыдном модерне: «Стыд, несомненно (в некоторых сферах жизни и манифестациях), имеет обратный ход» [7, S. 28]. Ослабевание интенсивности стыда касается лишь некоторых, далеко не всех сфер человеческой деятельности. На этом основании, стыд, по Раубу, это вовсе не устаревшее для модерна чувство. Более того, стыд варьирует и «во взаимосвязи с изменяющимися общественными идеалами и условностями принимает новые формы» [7, S. 37].

С точкой зрения Рауба согласен и немецкий антрополог А. Шорн. Либеральные стили одежды и формы обращения, свободное отношение к телу и к сексуальности или эксгибиционизм на телевизионных каналах не должны вести к выводу о том, что эпохе модерна соответствует общество, лишенное стыда. По мнению Шорна, и сегодня стыд является отнюдь не маргинальным аффектом: «Более того, некоторые факты говорят о том, что не мы стали бесстыднее, а что содержание и причины стыда исторически изменились» [15, S. 9].

Зачастую, модерн лишь кажется бесстыдным. При более внимательном и дифференцированном рассмотрении оказывается, что хотя разговоры о бесстыдстве XX века и широко распространены, эмпирически они не подкреплены [3, S. 808]. Более того, они вызваны ошибкой в том, что ослабление стыда — порой в таких «классических» областях как нагота или сексуальность — переносятся на другие формы стыда или на стыд в целом. Тем не менее, различные формы стыда в то же время манифестируют себя по-разному и не следуют какому-то единому вектору развития. Поэтому о развитии стыда и его тотальном исчезновении в эпоху модерна не может быть и речи. Вместо этого следует раздельно рассматривать различные варианты стыда.

Подобный подход предпринял Г.-П. Дюрр, который ситуацию в плане стыда для модерна определил как амбивалентную. По его мнению, в сфере эмоционального поведения имеет место процесс цивилизации, описанный Н. Элиасом, но в других сферах и формах общения «процесс информализации» способствует снижению значения роли стыда [3, S. 53]. Подтверждением этому служит и тот факт, что «классические» сферы стыда, как и прежде, остаются в той или иной мере связанными с чувством стыда. С одной стороны, кажется, что повсюду много го-

ворят о сексуальном, но с другой — во многих случаях эти вещи стыдливо умалчиваются. В рамках советов врачей, например, из чувства стыда умалчивается информация о влиянии той или иной болезни на сексуальное состояние пациента. Да и публичная нагота вовсе не безгранично принимается (или одобряется): «Купание в общественных банях вполне приемлемо, а за купание нагишом в городском фонтане вас могут привлечь к ответственности. То же можно сказать и о публичном эксгибиционизме» [16, S. 67]. Да и телевизионный эксгибиционизм манифестируется не так открыто и без стыда. Это объясняется тем, что в тот момент, когда интимная сфера подвергается коммерциализации, она уже теряет характер интимности. Как представляется, интимность и отсутствие предупредительности в рамках «Дома-2» выглядят достаточно наигранными: участники этого проекта играют свои роли, то есть инсценируют себя. В роли они «представляются», за пределами роли они прячутся и сохраняют тем самым, анклавы стыда.

Только лишь если рассматривать не стыд в целом, а некоторые его варианты по отдельности, можно зафиксировать их качественные историко-культурные сдвиги. В результате этого становится наглядным тот факт, что ослабевающему значению определенных содержаний стыда может противостоять возникновение совершенно новых содержаний. Сдвиги такого рода можно наблюдать в сфере телесного стыда. Сегодня публичная нагота вызывает намного меньше стыда, чем в более ранних культурных эпохах или даже пятьсот лет назад. С другой стороны, тело человека окружено намного большим количеством норм и куда более строгих, чем раньше, становящихся, зачастую, источником его стыда. Так, например, стыд за не тренированное и не подтянутое тело является, прежде всего, современным феноменом. Неухоженное тело является основной причиной стыда. Выглядящее очень эротичным тело также может стать причиной стыда. «“Эротичное тело” стало проекционной плоскостью, на которой отражаются эротические претензии коммуникативного ожидания, эстетические модели и нормы здоровья» [17, S. 43]. Прическа, одежда, запах тела и, не в последнюю очередь, его вес подвержены в наши дни более строгому контролю и имеют еще большее значение для проявления стыда, чем несколькими десятилетиями ранее. В этом смысле основной, особенно для женщин, является привлекательность ее тела. Если раньше женщина на пляже стыдилась обнажать даже часть своего тела, считая это неприятным сексуальным вызовом, то сегодня она зачастую этого не делает, стыдясь несоответствия своего тела современным стандартам красоты [4, S. 213]. Это касается также гениталий: стыд не публичного их обозрения, а их предполагаемая непривлекательность ведет нередко к желанию обратиться к пластическому хирургу. Этот вид стыда, вероятно, специфичен для современного европейско-американского общества, но неизвестен ранним культурам.

Ослабление стыда в одной определенной области может сопровождаться усилением в другой, например в сфере социального. По мнению немецких философов З. Неккель и Г. Ландвеер, в эпоху модерна возрастает, как минимум, вероятность быть пристыженным. Неккель объясняет эту тенденцию усиливающимся процессом индивидуализации. Следствием этого процесса является то, что ответственность за свои неудачи индивид несет сам. Кризисы идентичности, вызывающие стыд наступают намного чаще, чем это внешне атрибутируется. «Рука об руку с индивидуализацией культурных образцов личности, общественным положением и субъективными факторами восприятия в современных обществах вновь возрастают возможности проявления стыда. Поскольку стыд, переживаемый человеком, является помехой осознанию им своей индивидуальности, акты пристыжения часто начинают использоваться им в качестве социального оружия в повседневной борьбе за статус» [18, S. 182]. Подобной точки зрения придерживается и М. Левис: он также говорит о том, что высокая степень индивидуализации, сильное осознание «Я» современным человеком повышает вероятность проявления стыда. «Наша культура сильнее подвержена стыду с тех пор, как мы стали стремиться к личной свободе и нарциссизму. Современный индивид, будучи и субъектом, и объектом, чаще испытывает чувство стыда. В то же время, мы освободились от религиозных институтов, которые могли абсорбировать стыд, поэтому у многих из нас отсутствуют механизмы, гарантирующие прощение. Если такой современный индивид терпит неудачу, то и отвечает за это он сам и стыдится поэтому больше» [19, S. 286]. По Ландвеер, это, прежде всего, растущая неуверенность в бытующих нормах, ведущая, как минимум, к усилению страха перед стыдом [20, S. 166].

Культуры влияют не только на то, что является основной причиной стыда, но и на то, как оценивается стыд. Здесь в модерне проявляется надлом, некое своеобразие по сравнению со многими (вероятно, даже всеми) иными культурами. Если в других культурах стыд имеет позитивный, желательный, оснащенный полезными функциями феномен, то модерн имеет иную трактовку стыда. В повседневности стыд выглядит, как, впрочем, и в науке, в большинстве случаев, как нечто негативное, вредное, даже патологическое. «Стыд — это нежелательная эмоция». Это отражается, например, в воспитательном идеале, в соответствии с которым дети должны подвергаться процессу социализации, по возможности избегая «многого» стыда. Например, стыдиться естественной наготы («что естественно, то не безобразно») — это «нейтральный стыд» [15, S. 10]. Стыд для современного человека — признак слабости, неполноценности и подчиненности; в конечном счете, становится позором, покрывающим его. Особенно стыд деформирует (типичные для современного общества) нормы всегда стремящегося к суверенной индивидуальности человека; тем самым, стыд повреждает образ себя, сформированный индивидом, и образ,

созданный о нем другими. Оцененный таким негативным образом, стыд в эпоху модерна постепенно превращается в феномен, который в большей степени скрыт как от других, так и о себя самого. «В рамках культуры, предоставляющей экспрессивность индивидуальности столько пространства, как никакая другая, стыд превращается в “тайный остаток” личности, ощущение, которое невозможно выразить и для которого не существует ритуала освобождения. Он сам становится зоной скрытого, которое находится под надзором и по отношению к которому применяются санкции» [15, S. 11].

Таким образом, стыд сам трансформируется в событие, которого стыдится человек. Поэтому, он превращается в само содержание стыда, характерного для эпохи модерна. Теперь он представляет собой аспект, по отношению к которому индивид занимает амбивалентную позицию («это я, но в то же время, не я»). Стыд — это то, что вычленяется из единства личности, то, чем индивид больше не владеет и что, тем не менее, ему присуще. В этом плане, говоря о телесном стыде, Дюрр констатирует: «В наше время чаще стыдятся стыда, чем наготы» [4, S. 74]. З. Неккель говорит даже о «табу стыда» в современных сообществах: «Если нарушено табу стыда и тем самым не достигнута доминирующая форма индивидуальности, то следует стыдиться самого стыда, так как этот феномен посредством его социальной ассоциации связан с неполноценной идентичностью неудачника» [18, S. 30]. Стыд стыда представляется особым видом сдвига порога стыда.

Негативная оценка стыда в то же время является важной причиной того, что современные сообщества часто кажутся почти лишенными стыда. Один из способов избежать стыда или замаскировать его — это направленное вовне бесстыдство, которое демонстрируется во избежание подозрения быть пристыженным. «В “бесстыдстве” негативно демонстрируется то, чего в позитивном смысле опасаются: быть пристыженным» [18, S. 34].

По Вурмзеру, бесстыдство используют в качестве маскировки, прежде всего в сфере «классического содержания стыда» [14, S. 396]. Бесстыдство становится важным средством избавления от негативно оцененного и вредящего социальному образу индивида стыда. Направленное на индивида в качестве нормативного требования бесстыдство, в конечном счете, может стать императивом и принять репрессивные черты: «Ты не должен стыдиться!»; обычно стыд становится, как и чопорность, тем, что высмеивается.

Одна из черт культуры модерна — усиленное сокрытие стыда и культивирование бесстыдства. Посредством этого модерн отличается от других культур. Культура модерна отличается также и тем, какие особенности и события и насколько интенсивно становятся поводом для проявления стыда. Но в общем и целом в современных сообществах стыд не более и не менее типичный феномен, чем в иных сообществах. Он лишь выступает в других формах и вариациях и обычно неосознанно и скрытно.

Список литературы

1. *Plessner H.* Die Stufen des Organischen und der Mensch. Einleitung in die philosophische Anthropologie. — Berlin; New York, 1975.
2. *Элиас Н.* О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. — М.; СПб., 2001.
3. *Duerr H.-P.* Intimität. Der Mythos vom Zivilisationsprozeß. Band 2. — Frankfurt/Main, 1990.
4. *Duerr H.-P.* Der erotische Leib. Der Mythos vom Zivilisationsprozeß. Band 4. — Frankfurt/Main, 1997.
5. *Гергулов П.Е.* Теория цивилизации Н. Элиаса: Критика и перспективы // Вопросы культурологии. — 2007. — № 5.
6. *Bologne J.-C.* Nacktheit und Prüderie. Eine Geschichte des Schamgefühls. — Weimar, 2001.
7. *Kühn R., Raub M. M. Titzte* (ed.): Scham — ein menschliches Gefühl. Kulturelle, psychologische und philosophische Perspektiven. — Opladen, 1997.
8. *Petersen A.* Ehre und Scham. Das Verhalten der Geschlechter in der Türkei. — Berlin, 1985.
9. *Zuk-Nae L.* Koreanische Kultur und Schamgefühl. — Frankfurt/Main, 1998.
10. *Аристотель.* Риторика. Античные риторика. — М., 1978.
11. *Duerr H.-P.* Obszönität und Gewalt. Der Mythos vom Zivilisationsprozeß. Band 3/ — Frankfurt/Main, 1993.
12. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. — М.: Наука, 2007.
13. *Lowenfeld H.* Die permissive Gesellschaft und das Über-ich. — Berlin, 1976.
14. *Wurmser L.* Die Maske der Scham. Die Psychoanalyse von Schamaffekten und Schamkonflikten, — Berlin, 1998.
15. *Schorn A.* Scham und Öffentlichkeit. Genese und Dynamik von Scham- und Identitätskonflikten in der Kulturarbeit. — Regensburg, 1996.
16. *Braun A.* Die Haut, die Freiheit und die zwanghafte Toleranz // Stuttgarter Zeitung, 2.3.2002, S. 49.
17. *Ziehe Th., Knödler-Bunte E.* (ed.): Der sexuelle Körper. Ausgeträumt? — Berlin, 1984.
18. *Neckel S.* Status und Scham. Zur symbolischen Reproduktion sozialer Ungleichheit. — Frankfurt; New York, 1991.
19. *Lewis M.* Scham. Annäherung an ein Tabu. — Hamburg, 1993.
20. *Landweer H.:* Scham und Macht. Phänomenologische Untersuchung zur Sozialität eines Gefühls. — Tübingen, 1999.

УДК 930.85(470+571) «19»
ББК 86.2(2)6

Д.И. САЗОНОВ

РЕНЕГАТСТВО В ЦЕРКВИ: ПОДРЫВ УСТОЕВ ИЛИ ОЧИЩЕНИЕ? (К ВОПРОСУ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ 50-Х — НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XX ВЕКА)

Время «хрущевской оттепели» стало временем гонения на Русскую Православную Церковь. Одним из инструментов гонений стало явление, именуемое ренегатством, — публичный отказ от веры некоторых священников. Их «разоблачения религии» партийные органы пытались использовать для пропаганды атеистического мировоззрения. Но ренегатство не подорвало устоев Церкви. Оно лишь очистило ее ряды от приспособленцев. При наступлении новых времен в отношениях между государством и Церковью ренегатство как явление исчезло.

Ключевые слова: Церковь, ренегаты, пресса, идеология, религия, священнослужитель.

Период конца 50-х — начала 60-х годов XX столетия, ознаменованный потеплением в политической и общественной жизни страны, для Русской Православной Церкви вошел в историю как «хрущевские гонения на религию». Всеми имеющимися средствами новая власть под руководством Н.С. Хрущева стремилась подавить в государстве инакомыслие, идеологизировать мировоззрение людей, настроить их на принятие единственно правильного учения марксизма-ленинизма, создать монолитное общество, преданное идеям

коммунизма, прогресса и науки. Вековые устои православия заменялись научным атеизмом. Для выполнения поставленных задач была подготовлена юридическая и финансовая база в виде постановлений партии и правительства. Одним из агрессивных, направляющих документов подобного рода стало секретное постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам "О недостатках научно-атеистической пропаганды"» от 4 октября 1958 года, которое обязывало партийные, комсомольские и обще-